

П о л е т на «Фармане»

Скоро к читателям придет подготовленная в серии «ЖЗЛ» издательством «Молодая гвардия» книга известного писателя Олега Михайлова «Куприн». Она посвящена жизни и творчеству одного из самых выдающихся писателей-реалистов начала нашего века Александра Ивановича Куприна. Картины жизни Куприна чередуются в книге с литературоведческими экскурсами в лабораторию писателя. Поэтому отрывку из биографии предпосылаем строки комментария.

«Таким же здоровым жизнелюбом, что и в творчестве, предстает и в своей личной жизни этот крепкий, приземистый человек со сломанным носом, узенькими зоркими серо-синими глазками на лице, которое не кажется таким круглым из-за небольшой каштановой бородки.

В молодости необычайно сильный физически, Куприн с особой страстью отдается всему, что связано с испытанием собственных мускулов, воли, что сопряжено с азартом и риском. Он словно стремится растратить запас не израсходованных в пору его бедного детства жизненных сил. Организует в Киеве атлетическое общество. Сорока трех лет вдруг начинает учиться стильному плаванию у мирового рекордсмена Л. Романенко. Вместе с Сергеем Уточкинским поднимается на воздушном шаре. Опускается в водолазном костюме на морское дно. Летит с Иваном Заикиным в Одессе на самолете «фарман».

...Было очень холодно, и дул норд-вест. Для облегчения веса Куприну пришлось снять пальто и заменить его газетной бумагой вроде манишки. Кто-то из толпы предложил меховую шапку с наушниками, кто-то пришил английской булавкой газетную манишку к жилету, кто-то завязал Куприну под подбородком наушники шапки, и они с Заикиным пошли к самолету.

— Лексантра Иванович, а, может, не полетим? — вдруг сказал с беспокойством Заикин. — Не стоит рисковать тебе жизнью. Аппарат мой несовершенный... Да и беспокоюсь, дяди мы с тобой тяжеловесные, по семи пудов каждый. Аэроплан не рассчитан на такой груз...

— Я готов, Ваня, — коротко ответил Куприн.

Заикин обернулся к мотористу-французу:

— Жорж! Подлей бензину и масла с таким расчетом, чтобы полетать час — два, до самого темна...

Боже мой! Когда Куприн видел «фарман» раньше, в тихий солнечный день, парящим высоко в воздухе, тот выглядел маленькой, легонькой, грациозной стрекозой. А теперь вблизи аппарат оказался бессмысленным нагромождением желтых планок и плоскостей, перевитых проволокой. Кое-как усевшись, Куприн обнаружил Заикина где-то ниже себя, на таком же детском креслице.

Упрямый неграмотный великан добился своего: он уже совершил несколько полетов над Одессой и теперь мечтал показать свое искусство Куприну. Заиграла музыка. «Не испытывает страха только труп», — вспомнил Куприн слова одного из самых отважных русских генералов, когда аэроплан покатился по земле, подпрыгивая вверх метров на пять и снова жестко стукаясь колесами. Наконец встречный воздух поднял «фарман», назад побежали трибуны аэродрома, каменные стены, поля, деревья, фабричные трубы.

Сильный ветер с моря заваливал аппарат, не позволяя набрать высоту. Чувство страха давно покинуло Куприна, все внизу казалось таким смешным и маленьким, точно в сказке. Он не знал того, что Заикин изо всех сил старается выровнять машину, боясь, как бы «фарман», снижаясь, не зацепился за трубу или крышу здания.

Аэроплан повернул влево, и ветер, который прежде был помощником, заставил натужно чихать пятидесятилетний мотор «гном». «Фарман» клюнул носом. Первое время Куприн видел Заикина немножко ниже своей головы. Вдруг голова пилота оказалась почти у купринских колен. Со странным равнодушным любопытством наблюдал

Куприн, что их несет на еврейское кладбище, где на тесном пространстве скопилось тысяч до трех народа.

Только позднее Куприн узнал, что Заикин, сохранивший полное хладнокровие, успел расчитать, что лучше пожертвовать аэропланом и двумя человеческими жизнями, чем произвести панику и, может быть, стать виновником многих жертв. Он очень круто повернул влево, и желтый «фарман» врезался левым крылом в землю, метрах в двадцати от публики.

Треск, звон, крики ужаса.

Куприн крепко держался за вертикальные деревянные столбы, но его выбросило, как мячик, метров на десять. Рядом под обломками аэроплана неподвижно лежал Заикин.

— Убились! Разбились! — неслось из толпы.

В горячке катастрофы не чувствуя боли, Куприн вскочил на ноги и бросился к Заикину:

— Старик! Что ты? Жив?

Вероятно, тот был без сознания секунды три-четыре, потому что не сразу ответил. Но первые слова Заикина были:

— Мотор цел?

Куприн помог ему подняться. Знакомые и незнакомые лица окружили их, повели. Сидя за чаем, Заикин плакал. Куприн старался утешить его как мог, понимая, что виноват в случившемся. Аппарат летел низко, так как вес Заикина и Куприна оказался слишком тяжелым для маломощного «фармана».

Миллионеры братья Пташниковы, желавшие нажиться на удивительной дерзости безграмотного, но отважного, умного и горячего человека, потребовали провести расследование причин катастрофы. Заикину угрожала многотысячная неустойка. Его авиационная карьера на этом лопнула. Самого Заикина с переломом ноги отвезли в больницу; Куприн отделался синяками да повреждением коленной чашечки.

Приятель — Горелик, Диабе и сам великий Уточкин потащили Куприна в ресторан. Елизавета Морицевна лежала в шоке: ей сообщили, что желтый «фарман» рассыпался на куски, но о счастливом исходе не сказал никто.

Уточкин за красным вином пылко ораторствовал:

— Кажется, я всегда тосковал по ощущению, составляющему теперь мою принадлежность — принадлежность счастливого, проникшего в воздух. Мне часто приходилось летать во сне, и сон был упоителен. Но ведь действительность силой и яркостью переживаний превосходит фантастичность сновидений. Александр Иванович! Нет в мире красок, способных передать полет. Безудержность упоения! Восторг! Земля, мой враг, уже в десяти саженьях подо мной!

Куприн хмыкнул. Уточкин покосился на его забинтованное колено и так же пылко продолжал:

— Со стороны говорят: «Это опасно!». Так что же? Разве вы не уйдете в вечность? Будем же жить, овладеем природой, перестанем бояться полного слияния с миром потому, что это может случиться немного раньше. Всех зову с собою в мое новое, прекрасное царство!..

Куприн отшучивался:

— Когда желтый самолет рассыпался на мелкие части по зеленому полю, это было похоже на яичницу с луком... — Потом, посерьезнев, добавил: — Но в твоё прекрасное царство, Сергей Исаевич, я больше не поеду... Не по мне оно!

Слова своего Куприн не сдержал и в сентябре 1916 года летал уже на военном «фармане-парасоле» с летчиком Коноваловым. В том же году в воздушной катастрофе погиб Уточкин...

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Г. МОСКВА

10 ЯНВ 1982